

ГВОЗДЕВ Роман Витальевич,

канд. ист. наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: groma@inbox.ru

Основные факторы изменений в сфере духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных народов Дальнего Востока России в XIX–XXI вв.

УДК 390(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

Период XIX–XXI вв. для коренных народов Дальнего Востока – время коренных изменений в области собственной культуры и идентичности. Эти перемены не могли не затронуть духовно-ценностных ориентиров аборигенных этносов. Из полностью самостоятельных этнических групп в этот период они превратились в часть большого многонационального государства, с принципиально отличной духовной сферой, социальным устройством. Кроме того, за указанный период, само государство, в состав которого вошли дальневосточные народы, также претерпело масштабные, подчас революционные, трансформации во всех сферах. Мы попытались проанализировать основные аспекты данного процесса и обозначить роль факторов, повлиявших на трансформации в области духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных дальневосточных народов. К таковым факторам мы относим воздействие государства, христианизации и иной модели социального устройства восточных славян.

*коренные
малочисленные народы,
Дальний Восток
России,
духовно-ценностные
ориентеры,
культурные
трансформации*

Тема духовно-ценностных характеристик коренных народов Дальнего Востока не нова для отечественного научного сообщества, более того, она является частью широкой проблематики этнической самоидентификации. Большинство учёных-этнологов так или иначе касались в своих исследованиях этого вопроса. Остановимся на некоторых работах, интересных в контексте нашего исследования. В.А. Тураев в своих исследованиях обращал особое внимание на взаимодействие государства с коренными народами, его влияние на их хозяйство и культуру. Также о роли государства в этнической истории КМНС мы можем судить по исследованиям Л.Н. Хаховской. В работах Ю.В. Аргудяевой отражены проблемы взаимодействия православия и местных анимистических верований, шаманских культов.

В своей статье мы попытались обобщить разные факторы, повлиявшие на изменения в сфере духовно-ценностных ориентиров у коренных народов Дальнего Востока в обозначенный период.

Для понимания сути происходивших трансформаций нам необходимо учитывать общий исторический контекст, на фоне которого происходили изменения в данной сфере. Как известно, до прихода восточных славян, а вместе с ними и российской государственности, коренные народы региона

Для цитирования:
Гвоздев Р. В. Основные факторы изменений в сфере духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных народов Дальнего Востока России в XIX–XXI вв. // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 17–26. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

фактически были самостоятельными этническими образованиями. Циньский Китай, хоть по умолчанию и считал Приамурье и даже часть Сахалина своими, фактически имел незначительное влияние на данные территории, не стремился к их заселению и, соответственно, широкой культурной экспансии. Влияние Японии также носило локальный характер, и проявлялось главным образом в виде меновой торговли на пространстве амуро-сахалинского региона. Корея также незначительно влияла на территорию Дальнего Востока, хотя к XIX веку в Приморье и проживало некоторое число этнических корейцев.

Русские проникли в данный регион ещё в XVII в. Однако, активная колонизация и заселение дальневосточных земель началось лишь в середине XIX века, после заключения вначале Айгунского (1858 г.), а затем Пекинского (1860 г.) договоров с Китаем и окончательного определения границ с Японией (в 1875 г.). Именно с этого периода на пространстве Дальнего Востока начинает действовать российское законодательство. И это означало, что коренные народы, которые ранее жили по собственным обычаям и родовому праву, отныне постепенно включались в российскую государственную систему [4, с. 244]. Некоторые базовые установки культуры, как например кровная месть или воровство женщин, оказались в прямом конфликте с данной системой. Фактически с данного момента можно говорить о начале коренных перемен в культуре аборигенных народов Дальнего Востока. В качестве основных факторов изменений мы выделим несколько направлений. Прежде всего, это прямое влияние государства, с его законами, экономикой, внутренней политикой и т.д. Вторая группа причин – это влияние в области непосредственно духовных ценностей. И, как мы увидим, зачастую эта группа тесно связана с первой. К третьей группе можно отнести собственно культурное влияние пришлого населения, главным образом восточных славян, с их иной социальной моделью, религиозными и моральными нормами, численностью и экономическим базисом.

Надо отметить, что воздействие на традиционную культуру аборигенного населения дальневосточного региона зачастую осуществлялась по каналам, которые в принципе отсутствовали до вышеозначенного периода. Речь идёт о таких понятиях как: развитые торгово-экономические отношения – в противовес меновой торговле, образование – в противовес этнопедагогике, создание крупных поселений – в противовес компактным родовым селениям, религия – в противовес анимистическим представлениям [15, с. 183].

Изначально на территории Дальнего Востока действовал первый базовый документ Российской Империи, разработанный для регулирования отношений государства и коренных народов – «Устав об управлении инородцев» 1822 г. Он на долгие годы вперёд заложил определённую традицию управления КМНС, отражённую и в последующих законодательных актах. С одной стороны, документ предписывал политику без жёсткого вмешательства в жизнь аборигенов: право на самоуправление, запрет русским занимать их земли. Также в данном документе, фактически ещё до появления классической этнографии, все народы были разделены на разряды, с учётом хозяйственно-культурных типов, что позволило производить распределение земель. Во многом данные пункты «Устава» замедлили изменения в хозяйственной деятельности аборигенов, такой важной

для сохранения собственной идентичности. Фактически государство узаконило территории традиционного природопользования, и данное понятие, хотя и в сильно изменённом виде, существует и теперь. Гарантировалась свобода занятия традиционными промыслами и признавалась законность их распределения согласно принятым способам [13]. С другой стороны, отныне российским законодательством каралась кровная месть. Как мы знаем, кровная месть является безусловной составляющей любого общинно-родового общества, характерного и для коренных жителей Дальнего Востока. Также преступлением стало считаться и похищение женщин с целью женитьбы, весьма распространённое среди коренных народов и являвшееся одной из причин кровавых межродовых конфликтов. Это, вкупе с рядом других причин, о которых речь пойдёт ниже, явилось предвестником масштабных перемен в сфере социального устройства и семейных ценностей у КМНС.

С возникновением СССР и дальнейшим освоением территории Дальнего Востока ушло в прошлое и такое явление как групповой брак. И немаловажную роль здесь сыграло именно законодательство, ставившее вне закона наличие более одного супруга. В 20-х – 30-х гг. XX в. создание совхозов и колхозов привело к укрупнению хозяйств и, соответственно мест проживания, что, в конечном счёте, положило конец родовым поселениям. Часть населения, ведущего традиционно кочевой образ жизни, теперь вынуждена была жить оседло в посёлках. О том, насколько болезненно переживали этот процесс бывшие кочевники, говорит пример охотских эвенков. Лишившись оленей и самой возможности вести кочевой образ жизни, тем не менее, долгие годы они продолжали перемещать свои палатки на новое место, иногда буквально на несколько десятков метров, хотя эти действия не имели никакого практического смысла [11, с. 8]. Важно понимать контекст, при котором способ ведения хозяйства был одним из самых важных маркеров самоидентификации коренных народов Дальнего Востока, составляя не только уклад и мировоззрение, но массив, на котором основаны культурно-духовные ценности. Таким образом, государство, вначале Российская Империя, а затем СССР, используя собственные рычаги управления, в том числе законодательство, способствовало коренным преобразованиям в культуре дальневосточных аборигенов.

В начале 90-х годов, после развала Советского государства, коренные народы Дальнего Востока, как и всё остальное население, претерпевают масштабные общественные трансформации. На этом фоне, как среди высших представителей власти, так и среди представителей коренных народов, активно муссировались идеи о «возврате к корням». Однако попытка реконструировать традиционные соседские общины, как способ ведения хозяйства, характерного для начала XX века, не принесла положительного результата в новых экономических и общественных реалиях [12, с. 11]. С одной стороны реформы, проводимые государством, зачастую осуществлялись без обратной связи с широкой общественностью аборигенных народов. С другой стороны, понимание того, что следует делать в данной ситуации, отсутствовало и «внизу». Но главным было обоюдное непонимание невозможности возвращения к общинно-родовому способу ведения хозяйства, поскольку отсутствовала сама система рода и общины, не только как

экономической единицы, но и как формы социальной организации, которой были присущи свои особенности, ценности и принципы.

Период с начала 1990-х отмечен также новой парадигмой этнического самосознания. В Советском Союзе граждане идентифицировали себя, в первую очередь с понятием «советский человек», а личная этническая принадлежность была на втором плане. Но благодаря возвращению государственной политики в отношении малых народов в лоно традиционализма, а также популярным идеям поиска собственной уникальности – этническая принадлежность вышла на первый план. В начале XXI в., в связи с усилением роли государства, политика по отношению к коренным народам постепенно вновь возвращается к идее многонациональности, где каждый этнос – самостоятельная часть в составе большого народа России. В качестве законодательного закрепления данного вектора государственных инициатив в 2009 г. правительством России был выпущен документ "О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации". Хотелось бы обратить внимание на несколько пунктов. Для решения проблем КМНС предлагается обязательность участия представителей коренных малочисленных народов в принятии решений по проблемам, касающимся освоения природных ресурсов в местах традиционного проживания. Также предполагается совершенствование законодательной базы Российской Федерации для «защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов Севера». Кроме того, в документе оговаривается освещение в СМИ проблем и инициатив по коренным народам, исследование их текущего состояния и научные изыскания в данном направлении [7]. Как ни странно, но во многом данный нормативный акт перекликается со своим предшественником образца 1822 года – «Уставом об управлении инородцами». Это связано с общностью и декларативностью используемых в обоих документах понятий. Для реализации последней концепции необходимо как можно более конкретное и чёткое изложение механизмов осуществления запланированного.

Другой канал трансформаций, посредством которого происходили существенные изменения на уровне ценностных характеристик дальневосточных этносов – это семья, семейные отношения. Здесь также корни трансформаций лежат в разных плоскостях: от государственной национальной политики до сложных реалий взаимоотношений между аборигенными и пришлыми народами. Не всегда можно дать однозначную характеристику данным процессам.

Семья, как мы знаем, социальный институт, напрямую взаимосвязанный с развитием общества. Любые радикальные перемены в общественной жизни, неизбежно отражаются и на семье. С другой стороны, семья является неким объектом накопления и даже сохранения традиций [8, с. 307].

Христианизация также в значительной степени оказала влияние на изменения в области семейных отношений КМНС, причём процесс крещения происходил преимущественно мирно, особенно если рассматривать XIX в. [10, с. 480]. Несмотря на добровольность принятия православной веры и многочисленные послабления для новых верующих из числа коренных народов, по некоторым вопросам церковь занимала принципиальную позицию. В первую очередь это касалось

полигамии [1, с. 48]. Как мы знаем, групповой брак, был широко распространён среди коренных народов Дальнего Востока и объяснялся многими объективными причинами. Кроме того, напрямую связанный с браком обычай похищения женщин был не просто традицией, но диктовался и внешними условиями, такими как крайне низкая плотность населения, большие труднодоступные пространства. В свою очередь, именно данный обычай составлял значительную часть межродовых отношений, когда похищение, с одной стороны, могло послужить поводом к кровавой войне, а с другой, при последующем примирении образовывались новые родовые объединения. Позиция православной церкви была однозначна – она не признавала традиционные браки, совершённые вне крещения, и допускала лишь моногамный брак. Российское законодательство и администрация также выступали на стороне церкви. Мы имеем свидетельства, когда похищенных женщин, особенно крещённых, возвращали мужьям при помощи казаков [1, с. 49]. В итоге православие повлияло не только на собственно духовную составляющую, но и на распад классических больших родов КМНС и одновременно способствовало укреплению «малой» семьи.

Конечно, нельзя сказать, что на изменения в духовно-ценностной сфере оказала влияние только позиция православной церкви и восточнославянского населения в целом. Очевидно, что многочисленные перемены происходили в среде коренных народов в силу естественных исторических причин. Нам известно, что у коренных дальневосточных народов еще в XVII в. существовала частная собственность на некоторые виды имущества: оленей, собак, транспортный и промысловый инвентарь. Как следствие, в ряду основных причин межродовых столкновений стоит стремление к накоплению имущества [6, с. 230]. Так что процессы распада большого рода на малые семьи и общины, распространение частной собственности уже были присущи аборигенам. И такой внешний фактор, как освоение Дальнего Востока русскими, явился лишь катализатором, ускорившим этот процесс.

Если отойти от темы семейных ценностей и попытаться оценить влияние православия именно в духовной сфере, то можно заметить, что сам анимизм и шаманизм, которые являлись основной формой верований у КМНС, содержали в себе условия для проникновения другой религии, в данном случае православия. Дело в том, что сама суть таких верований допускает существование в разных регионах и у разных народов собственных богов или «хозяев местности». С данной точки зрения, Христос выступал в сознании представителей коренных этносов как «ещё один бог», от которого будет лишь польза. Таким образом, принимая крещение, аборигены не воспринимали этот акт как смену мировоззренческой и духовной парадигмы. Кроме того, православные миссионеры выступали ещё и в качестве лекарей, зачастую излечивая с помощью европейской медицины некоторые болезни, неподвластные местным шаманам. Это способствовало укреплению авторитета духовенства, и православие воспринималось как вера в более сильного бога. О своеобразности восприятия христианства местными народностями свидетельствуют факты того, что некоторые атрибуты православной веры были включены в шаманский культ. Мы можем судить об этом по деталям шаманского одеяния,

к которому амулеты с изображениями Христа и некоторых святых, а также кресты, пришивались наподобие оберегов [5, с. 276-279]. Кстати, буддийская символика также находила отражение в шаманских одеждах. Таким образом, образы Христа, Богородицы и некоторых святых, были весьма почитаемы представителями КМНС, хотя отношение к ним не было каноническим – их воспринимали, скорее, как очень сильных духов-покровителей [5, с. 272]. Данная ситуация очень типична именно для языческой психологии. Лишь по прошествии десятилетий некоторая часть представителей коренных народов не просто крестилась, но и восприняла определённый православный уклад.

После Октябрьской революции, в новых условиях, эта традиция резко обрывается, не успев до конца укорениться в сознании большинства аборигенов. Государство, взявшее курс на атеизм, по сути, создало собственный культ и иные идеалы. Сложилась ситуация, при которой исторически обусловленные анимистические представления утратили во многом свою духовную основу, хотя в виде примет и элементов промыслового культа продолжали сохраняться и в советское время. Вместе с тем, православие не успело стать общей духовной традицией для большинства представителей коренных народов. При том, что новая власть боролась с любыми проявлениями веры, как христианства, так шаманизма и анимизма. В некотором смысле, у коренных народов все эти трансформации выбивали духовную основу из-под ног. Однако, христианизация не прошла даром, так как способствовала интеграции «инородцев» в российское общество и приобщала к европейской культуре. Процесс этот также сложно оценить только с положительной точки зрения, так как одновременно с европеизацией коренных народов, утрачивались многие автохтонные элементы культуры, связанные с социальными институтами и верованиями. С другой стороны, непосредственно под влиянием православия, подкреплённого законодательством и поддержкой государственной администрации, произошло исчезновение левирата и многоженства [10, с. 481]. Благодаря вышеперечисленным факторам, ушли в прошлое обычаи кровной мести.

В ряде исследований упоминалось о важности предметной сферы для культур транспонирующего типа, к которым относится и аборигенное население Дальнего Востока. Например, сохранялись обряды «подкармливания» огня салом и спиртом, восходящие к анимизму. К ним же относились многочисленные запреты на убийство определённых животных и птиц: волка, орла, белого лебедя, кукушки, гагары и др. Причём для европейского сознания причины этих запретов выглядят как минимум необычно – опасались из-за боязни мести духа животного, а также из-за того, что они издавали звуки очень напоминавшие человеческий крик [9, с. 253]. Также известно, что до сих пор в отдалённых сельских районах изготавливается особая традиционная погребальная одежда и похоронный инвентарь [14, с. 90–91]. Таким образом, несмотря на столь значительные перемены, мы и в наши дни видим, что часть элементов традиционной духовной культуры коренных народов по-прежнему сохраняется, особенно в бытовой сфере.

Другой важной составляющей духовной культуры коренных народов Дальнего Востока являлся фольклор и язык. Для бесписьмен-

ных народов, коими являлись дальневосточные аборигены, значение фольклора вообще трудно переоценить. Фактически он содержал в себе большую часть той культуры, которую называем духовной. Ведь именно предания отражали реальную и героическую историю каждого народа, его традиции, мировоззрение, мораль, основы верований. И весь этот массив традиций передавался изустно. То есть он представлял собой некоторую кристаллизованную память народа. Не меньшее значение имел и язык, поскольку он, словно калька, отражал реальную жизнь его носителей: хозяйство, промысел, семейные отношения, веру и т.д. Российская администрация никогда не боролась с фольклором и языком. Наоборот, именно с приходом восточных славян связано создание письменности, написание книг и учебников на национальных языках, фиксация фольклорных произведений. Однако постепенно уровень владения собственным языком у коренных малочисленных народов Дальнего Востока стал неуклонно снижаться в силу низкой востребованности. Именно на русском языке осуществлялось делопроизводство, общение в государственных учреждениях и т.д. Постепенно ареал употребления родного языка у аборигенного населения сузился до семейно-бытового общения, а позже стал исчезать и из этой сферы. Нынешние дети и молодежь, как правило, не знают языка, фольклора. Вместе с этим они мало знакомы с этнической историей своего народа. В школах национальных сёл зачастую не хватает учебной, методической и художественной литературы на родных языках [2, с. 8]. Кроме того, обучение национальным языкам не составляет часть обязательной учебной программы для коренных народов. Учитывая, что родители, как правило, не говорят свободно на родном языке, у молодого поколения нет ни фактической возможности получить эти знания, ни должной мотивации.

Здесь мы подходим к проблеме сохранения традиционной культуры и духовных ценностей коренных народов. Но, как нередко бывает, не существует чёткого понимания того, что именно стоит сохранять. Часто речь идёт о попытках сохранить давно изжившие себя традиции. Ведь в нынешних реалиях совершенно невозможно внушить людям веру в духов или восстановить промысловый культ, несмотря на то, что он является одним из определяющих для идентичности коренных народов. Надо помнить, что даже процесс добычи животных охотником никогда не был полностью законсервированным традицией явлением. Например, рыбаки охотно пересели с вёсельных лодок на моторные. При этом, конечно, изменилась конструкция и форма лодки. А охотники легко отказались от традиционного лука и копья в пользу ружей, как только появилась подобная возможность, нимало не заботясь о сохранении традиций. И даже шаманы, как мы видим, не чурались использования изначально чуждой им религиозной символики и обычаев.

Возможно, следует принять динамичность исторического процесса и изменчивость самой культуры, в том числе и её духовно-ценностных элементов. С другой стороны, имеет смысл сохранение, пусть и не на бытовом уровне, языка, фольклора, народных промыслов, художественной и музыкальной культуры.

Да, сейчас мы можем утверждать, что значительная часть традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока утрачена. Столь сильное влияние на культуру целой группы народов региона

объясняется тем, что восточные славяне оказались носителями более развитых форм общественного и социального устройства, имели развитую религию и экономику. Использование этих доминирующих форм вовлекло коренные народы в новую для них форму экономики – капиталистические отношения, а затем социализм, сломав экономику, основанную на натуральном обмене. Отличное социальное устройство, вкупе с государственной политикой, развитой экономикой и религией смогло во многом разрушить родовую систему, а также традиционные верования. Фактически, речь идёт о постепенном сломе в рассматриваемый период традиционного мировоззрения аборигенного населения.

Сегодня мы можем наблюдать унификацию, универсализацию жизни в широком смысле этого слова. Однако одновременно мы можем видеть и обратный процесс возрастающего интереса к уникальным элементам в культуре, в том числе и коренных народов Дальнего Востока. Об этом можно судить по многочисленным попыткам реконструировать утраченные элементы материальной и духовной культуры. Такой опыт возможен лишь благодаря волевым усилиям определённой части представителей коренных народов, и равнодушных со стороны восточнославянского населения. Активно развивается такое направление как этнотуризм, как, к примеру, в Национальном парке «Бикин» в Приморье. На этом фоне возникает всё больший интерес со стороны широкой общественности и творческих кругов к культуре и искусству национальных меньшинств. Говоря о сохранении духовно-ценностного в культуре, в качестве финальной черты хотелось бы привести слова из репортажа в котором Мария Копылова-Коленчуга, студентка, участник Конгресса народов Приморского края, говорит: «Мама похожую футболку сделала, только с тигром. С таким национальным орнаментом. Я бы такую носила и популяризировала бы культуру, потому что мало кто знает о том, кто живет в Приморье» [3].

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Влияние русского православия на быт коренных народов Приамурья и Приморья // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 41–52.
2. Быкова Г.В. Язык – главное условие этнической самоидентификации // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: Сб. науч. трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 5–15.
3. Видеорепортаж Ольги Катренко: «Удэгейцы представят на Конгрессе народов Приморья свои разработки по трудоустройству молодежи». 30.10.2018. Вести Приморья (новостной информационный портал). URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/69699-udegeytsy-predstavayt-na-kongresse-narodov-primorya-svoirazrabotki-po-trudoustroystvu-molodezhi.html> (дата обращения 5.06.21).
4. Гвоздев Р.В. Особенности торговых отношений уйльта (ороков) Сахалина в XVII-XIX вв. // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 236–244.
5. На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея. Альбом). М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. 296 с.
6. Общественный строй у народов Северной Сибири. Отв. ред. Гурвич И.С., Долгих Б.О. М.: Наука, 1970. 454 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»// Левоневский: правовая библиотека. (правовой информационный портал). URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/>

text00063.htm (дата обращения 5.06.2021).

8. Семейный быт народов Сибири. Отв. ред. Жданко Т.А. М.: Наука. 1990. 310 с.

9. Туголуков В.А. Преобразования в хозяйстве и культуре у эвенков Амурской области // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. с. 226–256.

10. Тураев В.А. «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) // Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011). Владивосток: Дальнаука. 2013. С. 470–483.

11. Тураев В.А. Охотские эвенки в XX веке: от этнокультурной эволюции к социальной деградации // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука. 2004. С. 3–37.

12. Тураев В.А. Традиционная культура в системе координат современного политического процесса // Культура России и сопредельных стран: прошлое, настоящее,

будущее (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Культурология; т. 16). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2014. С. 5–22.

13. Устав об управлении инородцев 1822 г. // «Мудрый юрист» (информационный портал). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822>. (Дата обращения: 1.05.2021).

14. Хаховская Л.Н. Коряки села Топоровка: локальное этническое сообщество в контексте истории населенного пункта // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 85–93.

15. Хаховская Л.Н. Российская государственность, как фактор этнической истории коренных малочисленных народов Северо-Востока России // Россия в Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009 г). Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 183–190.

Roman V. GVOZDEV,

Ph. D. (in Historical), Researcher at the Center for Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).

E-mail: groma@inbox.ru

The Main Factors of Changes in the Sphere of Spiritual and Value Orientations in the Culture of the Indigenous Peoples of the Russian Far East In the XIX–XXI Centuries

UDC 390(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

The period of the XIX–XXI centuries for the indigenous peoples of the Far East is a time of fundamental changes in the field of their own culture and identity. These changes could not pass by the spiritual and value orientations of the aboriginal ethnic groups. During this period, they turned from completely independent ethnic groups into a part of a large multinational state, with a fundamentally different spiritual sphere and social structure. In addition, during this period, the state itself, which included the Far Eastern peoples, also underwent global, sometimes revolutionary transformations in all spheres. We tried to analyze the main aspects of this process and identify the role of the factors that influenced the transformations in the field of spiritual and value orientations in the culture of the

indigenous small-numbered peoples, Russian Far East, spiritual and value orientations, cultural transformations

indigenous peoples of the Far East. These factors include the role of the state, Christianization, and a different model of the social structure of the Eastern Slavs.

For citation: Gvozdev R. V. The main factors of changes in the sphere of spiritual and value orientations in the culture of the indigenous peoples of the Russian Far East in the XIX–XXI centuries // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 3. P. 17–26. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

References

1. Argudyaeva YU.V. Vliyanie russkogo pravoslaviya na byt korennykh narodov Priamur'ya i Primor'ya // *Rossiya i ATR*. 2009. № 4. S. 41–52.
2. Bykova G.V. YAzyk – glavnoe uslovie ehtnicheskoy samoidentifikatsii // *Ehvenkijskij ehtnos v nachale tret'ego tysyacheletiya*: Sb. nauch. trudov. Blagoveshensk: Izd-vo BGPU, 2006. C. 5–15.
3. Videoreportazh Ol'gi Katrenko: «Udehgejtsy predstavlyat na Kongresse narodov Primor'ya svoi razrabotki po trudoustroystvu molodezhi». 30.10.2018. *Vesti Primor'ya* (novostnoj informatsionnyj portal). URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/69699-udegejtsy-predstavlyat-na-kongresse-narodov-primorya-svoirazrabotki-po-trudoustroystvu-molodezhi.html> (data obrashheniya 5.06.21).
4. Gvozdev R.V. Osobennosti torgovykh otnoshenij ujl'ta (orokov) Sakhalina v XVII–XIX vv. // *Rossiya i ATR*. 2018. № 1. S. 236–244.
5. Na grani mirov. SHamanizm narodov Sibiri (iz sobraniya Rossijskogo ehtnograficheskogo muzeya. Al'bom). M.: IPTS «KHudozhnik i kniga», 2006. 296 s.
6. Obshhestvennyj stroj u narodov Severnoj Sibiri. *Otv. red. Gurvich I.S., Dolgikh B.O.* M.: Nauka, 1970. 454 s.
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 04.02.2009 № 132-r «O Kontseptsii ustojchivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federatsii» // *Levonevskij: pravovaya biblioteka*. (pravovoj informatsionnyj portal). URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/text00063.htm> (data obrashheniya 5.06.2021).
8. Semejnij byt narodov Sibiri. *Otv. red. Zhdanko T.A.* M.: Nauka. 1990. 310 s.
9. Tugolukov V.A. Preobrazovaniya v khozyajstve i kul'ture u ehvenkov Amurskoj oblasti // *Preobrazovaniya v khozyajstve i kul'ture i ehtnicheskie protsessy u narodov Severa*. M.: Nauka, 1970. s. 226–256.
10. Turaev V.A. «Inorodcheskij vopros» v politike Rossijskogo gosudarstva (XVII–XIX vv.) // *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsilivatsionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashhee, budushhee* (Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011). Vladivostok: Dal'nauka. 2013. S. 470–483.
11. Turaev V.A. Okhotskie ehvenki v XX veke: ot ehtnokul'turnoj ehvoljutsii k sotsial'noj degradatsii // *Ehtnos i kul'tura v usloviyakh obshhestvennykh transformatsij*. Vladivostok: Dal'nauka. 2004. S. 3–37.
12. Turaev V.A. Traditsionnaya kul'tura v sisteme koordinat sovremennogo politicheskogo protsessa // *Kul'tura Rossii i sopedel'nykh stran: proshloe, nastoyashhee, budushhee* (Tr. In-ta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. Ser. Kul'turologiya; t. 16). Vladivostok: IIAEH DVO RAN. 2014. S. 5–22.
13. Ustav ob upravlenii inorodtsev 1822 g. // «Mudryj yurist» (informatsionnyj portal). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822>. (Data obrashheniya: 1.05.2021).
14. KHakhovskaya L.N. Koryaki sela Toporovka: lokal'noe ehtnicheskoe soobshchestvo v kontekste istorii naselennogo punkta // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 2011. № 1. S. 85–93.
15. KHakhovskaya L.N. Rossijskaya gosudarstvennost', kak faktor ehtnicheskoy istorii korennykh malochislennykh narodov Severo-Vostoka Rossii // *Rossiya v Tikhom okeane: rol' lichnosti v stanovlenii rossijskoj gosudarstvennosti i problemy bezopasnosti* (SHestyje Krushanovskie chteniya, 2009 g). Vladivostok: Dal'nauka. 2011. S. 183–190.